

Долганев Е. Е. Современная Абиссиния: Школы и просвещение.
(Из рассказов туземца) // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 5.
С. 269–285 (2-я пагин.). (Продолжение.)

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ.

Школы и просвѣщеніе.

(Изъ рассказовъ туземца *).

Духовное просвѣщеніе въ Абиссиніи стоитъ на значительной высотѣ. По всей странѣ разбѣяно множество школъ: въ коихъ дается исключительно религіозное образованіе. Начатки же послѣдняго сообщаются ребенку еще въ семьѣ. На воспитаніе дѣтей въ Абиссиніи обращается большое вниманіе, и въ этомъ ей нужно отдать большую честь. Забота о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ ребенка лежитъ тамъ не на однихъ плотскихъ родителяхъ, а и на родителяхъ по духу, на восприемникахъ ребенка. Долгъ восприемниковъ соблюдается въ Абиссиніи очень строго, и уклоненіе отъ него непременно влечетъ за собой виновному кару общественнаго презрѣнія и укоризнъ. Независимо отъ этого каждый, принимающій на себя званіе восприемника, считаетъ исполненіе связанныхъ съ нимъ обязанностей столь же необходимымъ и принудительнымъ, какъ и слѣдованіе всѣмъ вообще правиламъ и уставамъ Церкви. Соблюденіе постовъ, хожденіе въ церковь, исполненіе христіанскаго долга по отношенію къ умершимъ — все это считается въ Абиссиніи ничуть не болѣе обязательнымъ для каждаго христіанина, какъ и соблюденіе обязанностей духовнаго отца по крещенію. Духовныя и матеріальныя нужды абиссинскаго ребенка служатъ естественнымъ предметомъ заботы его духовнаго отца. Всѣ сироты малые и даже взрослые по смерти своихъ родителей по плоти не остаются безъ поддержки и родительской заботливости. Изъ дома родителей они

*) Продолженіе. См. Апрель.

прямо переходятъ въ дома своихъ воспріемниковъ и съ этого времени дѣлаются уже вполне членами семействъ соединенныхъ съ ними узами духовнаго родства. Даже по отношенію къ дѣтямъ при жизни ихъ родителей права и обязанности воспріемниковъ не остаются *in jure*, а всегда *in facto*. Воспріемникъ часто навѣщаетъ своего духовнаго сына, справляясь о всѣхъ его нуждахъ. Если усмотритъ небрежное отношеніе къ ребенку родителей, беретъ его къ себѣ на воспитаніе и обучаетъ какому нибудь ремеслу, и родители не вправе даже воспрепятствовать этому. Грамотный воспріемникъ старается обыкновенно передать свои знанія своему духовному сыну или настаиваетъ, чтобы его отдала въ школу. Такимъ образомъ у ребенка-абиссинца есть большая возможность стать впоследствии порядочнымъ человѣкомъ: не научать добру родители, наставить воспріемникъ, или наоборотъ...

Въ Абиссиніи въ большихъ селеніяхъ (обыкновенно при церквахъ) есть школы грамоты. Обученіе въ нихъ не идетъ дальше чтенія по книгѣ. Школьника учитель заставляетъ упражняться въ чтеніи слѣдующихъ книгъ по порядку: I-го посланія Іоанна, Дѣяній Святыхъ Апостоловъ, посланія къ евреямъ, евангелія отъ Матѳея (или всѣхъ евангелій) и, наконецъ, псалтири. Въ этомъ и состоитъ весь курсъ школы грамоты. Дальнѣйшее образованіе (кто желаетъ продолжать) состоитъ въ заучиваніи наизусть нѣкоторыхъ молитвенныхъ пѣснопѣній и псалмовъ. Тутъ опять наблюдается извѣстный опредѣленный порядокъ, выучиваютъ: 1) „удассе—Марьямъ“ (хвала Маріи) — твореніе св. Ефрема Сирина, 2) „мелькаа Сеиль“, 3) мелькаа Марьямъ, и 4) мелькаа Іисусъ (мелькаа—значитъ собственно телѣсная красота, видъ). Содержаніе всѣхъ этихъ мелькаа очень оригинально. Каждый святой абиссинскій, нужно замѣтить, имѣетъ свое мелькаа. Это ничто иное, какъ длинная молитва, написанная въ стихотворной формѣ, состоящая изъ многихъ отдѣльныхъ пятистишій. Въ нихъ по порядку восхваляются тѣлесные члены того лица, кому посвящается мелькаа, притомъ такъ, что на каждый членъ полагается цѣлое пятистишіе.

Потомъ выучивается краткая христіанская догматика, такъ называемый— „Аймадъ-Мистиръ“ (столпъ тайнъ). Это

небольшая книга, состоящая изъ пяти частей: 1) мистира селляси—тайна Троицы, 2) мистира сыггауй—тайна воплощенія; 3) мистира тымкѣтъ—тайна крещенія; 4) мистира курвѣнъ—таинство причащенія; 5) мистира тынсаэй—тайна воскресенія (Спасителя и людей). Аймадь мистиръ написанъ на разговорномъ народномъ языкѣ. Онъ представляетъ изъ себя коллективный трудъ цѣлаго поколѣнія абиссинскихъ богослововъ. Кромѣ выдержекъ изъ святоотеческихъ твореній догматическаго содержанія, въ книгѣ—„Аймадь мистиръ“ можно встрѣтить много оригинальныхъ соображеній чисто абиссинскаго богословствованія по поводу истинъ христіанскаго вѣроученія. Эти соображенія—плодъ усиленной вдумчивости абиссинскихъ богослововъ; складывались они вѣками, передавались отъ одного поколѣнія къ другому и, наконецъ, были всѣ вписаны въ книгу вмѣстѣ съ бывшими въ ходу цитатами изъ твореній свв. отцовъ,—и такимъ образомъ составили цѣлую мѣстную богословскую систему.

Выучившій наизусть „Аймадь мистиръ“ принимается за заучиваніе псалмовъ. Знаніе на память псалтири въ Абиссиніи ставится выше всего. Поэтому всѣ абиссинскіе интеллигенты, чтобы не унизить своего званія, стараются непременно выучить псалтирь. Кому это удастся, тотъ получаетъ названіе—„дека-мезмуръ“—псалтирный сынъ. Это названіе, по мѣстнымъ понятіямъ собственно значить—ученый, такъ какъ прилагается ко всякому, получившему высшее образованіе (хотя и незнающему, быть можетъ, наизусть всей псалтири). Есть еще названіе, прилагаемое въ Абиссиніи къ ученымъ людямъ—это „дабтаръ“. Оно усвоится тѣмъ лицамъ, которые хорошо усвоили годичный кругъ церковнаго цѣннѣя, или умѣютъ сочинять духовные стихи для богослуженія. Впрочемъ, со временемъ названіе дабтаръ приняло оттѣнокъ чего-то несимпатичнаго, низменнаго и даже вошло въ комплектъ мѣстныхъ ругательныхъ словъ. Произошло это потому, что нѣкоторые изъ носящихъ это названіе (дабтаръ), позволяли себѣ такія дѣйствія, которые унизили въ глазахъ народа самое званіе ихъ. И на цѣлое сословіе этого рода ученыхъ народъ сталъ смотрѣть съ предубѣжденіемъ. Такъ, многіе изъ дабтаръ оказались людьми гордыми, свободмыслящими и корыстолюбивыми,—но этого

мало. Нѣкоторые являются даже эксплуататорами народнаго невѣжества, напр., гадалеями по звѣздамъ, знахарями, заговорщиками. Особено распространено среди дабтаръ такое легкое средство наживы. Въ Абиссиніи существуетъ повѣрье, что есть множество именъ Божіихъ, неизвѣстныхъ міру, и что эти таинственные имена Бога имѣютъ чудодѣйственную силу. Какой-нибудь дабтара и пустить въ народъ молву, что ему-де было откровеніе этихъ тайныхъ именъ Божіихъ и начинаетъ продавать приходящимъ къ нему свитки бумаги, исписанныя непонятными для нихъ словами, будто бы и означающими имена Божіи. Свертки эти (называемыя — „гува-тайпа“) почитаются въ народѣ чѣмъ-то въ родѣ чудодѣйственнаго талисмана. Воинъ, отправляющійся на войну, непременно идетъ къ дабтарѣ и покупаетъ себѣ „гува“, которое носить всегда на груди, рассчитывая предохранить себя этимъ отъ ранъ и смерти.

Въ большихъ абиссинскихъ городахъ, чаще всего при монастыряхъ, живутъ такъ называемые мемгыры—наставники. Они собираютъ вокругъ себя жаждущихъ знанія и раскрываютъ предъ ними двери къ высшему вѣдѣнію. Каждый мемгыръ имѣетъ свою спеціальность и вводитъ своихъ питомцевъ въ одну какую-нибудь область высшей мѣстной науки. Такъ образуется школа, которая можетъ обратиться въ постоянный питомникъ науки съ спеціальнымъ курсомъ, приуроченный къ опредѣленной мѣстности, къ извѣстному монастырю. Тогда уже по смерти мемгыра его мѣсто въ той же школѣ заступаетъ другой, его ученикъ и питомецъ. Если школа временная, случайная, то со смертию своею мемгыра прекращаетъ свое существованіе: питомцы ея или вовсе прекращаютъ дальнѣйшее образованіе, или переходятъ къ другимъ наставникамъ, въ другія школы.

Въ Абиссиніи очень много постоянныхъ школъ съ спеціальнымъ курсомъ науки, старинныхъ, считающихъ свой возрастъ цѣлыми столѣтіями. Въ городѣ Гондарѣ есть школы, непрерывно существующія около тысячи лѣтъ и при томъ съ неизмѣннымъ всегда курсомъ науки.

Что касается жизни питомцевъ высшихъ абиссинскихъ школъ, то она очень проста. За то усердіе къ наукѣ и терпѣніе составляетъ ихъ отличительныя черты. Абиссин-

скій школьникъ доволъствуется хлѣбомъ, выпрошеннымъ въ домахъ благотворителей, живетъ онъ въ наскоро сколоченной палаткѣ или прямо кровлей служить ему небо, постелью—земля. Нѣкоторые изъ нихъ дотога предають себя наукѣ, что совершенно забываютъ о своихъ самыхъ насущныхъ потребностяхъ и только, благодаря заботливости какого-нибудь попечительнаго человѣка, не остаются вовсе безъ пищи, одежды и крова. Жизнь мемгыра тоже мало чѣмъ отличается отъ жизни его питомцевъ, если не большею еще скудостью и нищетою.

Изъ высшихъ спеціальныхъ школъ самая распространенная въ Абиссиніи—это стихотворная, называемая на мѣстномъ нарѣччіи—„к'не“. Въ этой школѣ обучаются искусству стихосложенія. Въ Абиссиніи есть обычай пѣть при богослуженіи импровизированные стихи духовнаго содержанія. Право и обязанность составлять эти стихи принадлежать окончившимъ школу—„к'не“. Такъ какъ стихи, какъ и все богослуженіе, должны быть на древне-эіопскомъ языкѣ, то и въ школѣ к'не начинающимъ преподаются грамматика и словарь этого языка. На это все тратится до двухъ лѣтъ; потомъ слѣдуетъ уже обученіе самому искусству стихотворства. Оно ведется ежедневно. Вечеромъ, въ сумеркахъ, подъ звѣзднымъ шатромъ неба, когда самая обстановка наиболѣе располагаетъ къ широкому полету фантазіи, ученики располагаются на землѣ вокругъ своего наставника, который изрекаетъ имъ свои импровизированные стихи,— онъ повторяетъ имъ разъ, другой. Тѣже стихи повторяетъ помощникъ его (въ к'не онъ всегда есть), а ученики хоромъ повторяють за нимъ. Это продѣлывается до тѣхъ поръ, пока уже сами ученики безъ пособія помощника не будутъ въ состояніи безошибочно произнести всѣхъ стиховъ. Нужно замѣтить, что такія упражненія чрезвычайно развиваютъ память учениковъ, такъ что уже по прошествіи года обученія въ к'не они дѣлаются способными воспринимать изреченные мемгыромъ стихи (въ 10—12 строкъ) съ одного разу. Затѣмъ мемгыръ присовокупляетъ объясненія къ тексту стиха и излагаетъ ученикамъ относящіяся къ его формѣ правила стихосложенія. Этимъ вечернія занятія заканчиваются и ученики съ выученнымъ стихомъ предаются сну. Но послѣдній обыкновенно про-

должается не долго. Въ полночь всѣ уже на ногахъ и опять принимаются за дѣло. Теперь ученикамъ предстоитъ трудная задача: по образцу примѣрнаго стихотворенія мемгъра каждый изъ нихъ долженъ составить свое собственное. Всѣ ученики для этого уходятъ въ ближайшій лѣсъ, или садъ, гдѣ разбредаются въ разныя стороны: каждый старается при этомъ, какъ можно болѣе, уединиться. Въ эти часы вниманіе ученика бываетъ до того сосредоточено на предметѣ своей задачи, что онъ забываетъ о снѣ и пищѣ и не замѣчаетъ, какъ уходитъ время. Уже солнце клонится къ закату, когда ученики возвращаются къ мемгъру и даютъ отчетъ въ своей работѣ. Каждый устно читаетъ свои стихи, а наставникъ устно же подчеркиваетъ его ошибки и промахи, если они найдутся. Потомъ опять слѣдуютъ вечернія занятія, полуночное вставанье, уединеніе въ лѣсу и т. д. Такъ проходятъ цѣлые годы. Способнѣйшіе успѣваютъ пройти курсъ к'не въ два-три года, между тѣмъ какъ иные не въ состояніи бываютъ усвоить его въ 8—9 лѣтъ. Отсюда происходитъ дѣленіе учениковъ на группы (нѣчто въ родѣ классовъ). Способнѣйшіе скоро опережаютъ своихъ товарищей менѣе способныхъ, а послѣдніе отстаютъ отъ нихъ, составляя вторую группу, тупые же—третья группа—остаются позади всѣхъ.

Для того, чтобы окончить к'не, нужно изучить десять установленныхъ стихотворныхъ формъ, различаемыхъ одна отъ другой количествомъ строкъ (отъ 3 до 12) и нотами, стоящими надъ строками. Есть стихи трехстрочные, четырехстрочные и т. д. до двѣнадцати. Для стихотворенія, имѣющаго то или другое число строкъ, существуютъ отдѣльныя ноты. Стихи должны быть составлены такъ искусно, чтобы слоги строкъ совпадали съ нотами и чтобы при пѣніи стиха не нарушались естественныя ударенія словъ, т. е. ударенія должны приходиться тамъ, гдѣ при пѣніи голосъ повышается. Кромѣ того, окончанія всѣхъ стиховъ должны быть созвучны. Относительно размѣра стиховъ существуетъ такое правило. Въ каждой строкѣ должно быть извѣстное количество слоговъ, чтобы этого достигнуть нужно, кромѣ словъ, носящихъ въ себѣ извѣстное выраженіе мысли, помѣщать въ строку слова подставныя (для соблюденія формы стиха). Это правило мемгъръ обыкновенно поясняетъ такой

аналогіей. Желаяющій сдѣлать что-нибудь изъ золота изготовляетъ предварительно изъ воску форму предмета, въ которую вливаетъ расплавленный металлъ. Воскъ быстро растаетъ, а золото отвердѣваетъ, успѣвъ все-таки сохранить форму восковой фигуры. И въ стихѣ, продолжаетъ мемгыръ, должны быть тоже воскъ и золото (семина и оркъ), т. е. слова, имѣющія смыслъ, и слова, которыя можно выбросить безъ нарушенія смысла стиха, но внесенныя въ строку для сохраненія числа потребныхъ слоговъ. Глаголь, обыкновенно стоящій на концѣ стиха, является связкой, объединяющей семыоа и оркъ. Такъ, на примѣръ, въ одномъ стихѣ абиссинскомъ говорится о Христѣ Спасителѣ, что Онъ—

„Мечъ молитвы изъ ноженъ слова вынулъ“.

Въ этой строкѣ—„мечъ“ и „ножны“ составляютъ семина; „молитва“ и „слово“—являются—оркомъ; выраженіе—„вынулъ“—связкой. При опущеніи семина связка, конечно, теряетъ свой смыслъ и должна быть замѣнена другимъ глагольмъ.

Когда ученикъ пройдетъ всѣ двѣнадцать стихотворныхъ формъ, онъ можетъ оставаться еще въ школѣ для усовершенствованія въ искусствѣ стихосложенія. Такъ какъ цѣнится не одна форма, но и содержаніе стиха, то дальнѣйшее усовершенствованіе ученика касается уже степени тонкости и возвышенности матеріи, служащей содержаніемъ стиховъ. Многіе остаются въ школѣ до преклонныхъ лѣтъ, чтобы только, какъ можно болѣе, выучиться въ к'не и сочинять такіе стихи, содержанія которыхъ, влѣдствіе ихъ возвышенности, никто не могъ бы понять. Содержаніемъ обыкновенно служатъ истины богословскаго характера. По слѣдующему ниже переводу нѣсколькихъ эіопскихъ стиховъ намъ можно будетъ хотя отчасти познакомиться съ оригинальными красотами произведеній абиссинской музыки. Приводимъ стихи, содержаніемъ которыхъ служатъ христіанскія тайны воплощенія и искупленія.

„Міра Спаситель, Учитель—небесному царству училъ;
 Птицу—свое челоувѣчество подъ дровомъ страданій укрылъ;
 Мечемъ страсти своей оковы смерти расторгнулъ;
 Бурей своего воскресенія адское море взволновалъ;
 Претерпѣвшій страданья души грѣшныхъ плѣнилъ.

* *
 *

Онъ въ узы нищету заключилъ;
 Печать мудрости рукою своею слова сорвалъ;
 Мечъ молитвы изъ ноженъ слова Онъ вынулъ;
 Стопы ума Его путь истины открыли,
 Отъ стези юродства къ стези мудрости обратили;
 Онъ путь познавсю уготовалъ, одежду истины одѣлъ;
 Отъ плевелъ грѣха пшеницу міра прощенья вилами
 очистилъ.

* *

Рукой души своей жезлъ прощенья душъ Онъ держалъ;
 Ноги Его ума ароматомъ мудрости натерты;
 Ладанъ дѣлъ носомъ ума Онъ обонялъ;
 Изъ рабства смерти поработенныя души Онъ вывелъ;
 Сердце Его человѣчества копьемъ нищеты пронзено.

* *

На полѣ души Своей шатерь ума Онъ водрузилъ,
 На голову сердца Своего вѣнецъ прощенья возложилъ;
 Съ плечъ сердца Своего Онъ бремя мщенья скинулъ;
 На пергаментѣ ногъ Его буквы гвоздя написаны;
 Сѣдину думъ слеемъ надежды Онъ умастилъ;
 Ноги жизни Его взошли на вершину горы;
 Птица—Его человѣчество подъ древомъ страданій укрылась.

* *

Есть стихи, содержаніе которыхъ бываетъ до того темно, что требуетъ еще особыхъ объясненій. Иногда въ двухъ-трехъ строкахъ въ сжатой формѣ передается вся ветхозавѣтная исторія, — причемъ каждое слово стиха — это цѣлая бездна словъ и смысла: въ немъ, какъ въ зернѣ—растение, нужно подразумѣвать цѣлую рѣчь. Въ Абиссиніи школами к'не и поэтическими произведеніями славится особенно царство Годшамъ. Тамъ есть стихотворцы разговаривающіе не иначе, какъ стихами и такъ замысловато, что долго нужно вдумываться въ сказанное ими, чтобы понять его смыслъ.

Окончившій к'не отпускается мемгыромъ съ благословеніемъ и добрыми пожеланіями. Если ученикъ былъ особенно хорошъ, могущій составить славу своего учителя, послѣдній въ знакъ своей признательности и любви къ

нему публично возлагаетъ на него свою верхнюю одежду и отпускаетъ его со слезами, уже не какъ ученика, а какъ сотоварища своего по ремеслу, называемаго теперь „даб-тарà“, или „бàла-к'не“ (знающій к'не).

Лучшія произведенія учениковъ к'не поются въ церкви во время богослуженія (на вечернѣ и на литургіи послѣ заиричагнаго стиха). Сначала поетъ самъ авторъ стиха, а за нимъ повторяетъ его хоръ пѣвцовъ. Нужно замѣтить, что послѣдній (т. е. хоръ) занимаетъ очень видное мѣсто въ Абиссиніи. Это не простые пѣвцы, а цѣлая корпорація ученыхъ людей, называемыхъ также „дабтарами“. Впрочемъ, для нихъ существуетъ еще особое спеціальное названіе — „бàла дугà“. „Дугà“ — это кругъ годичнаго церковнаго пѣнія. „Бàла дуга“ (знающій дуга) — это, такъ сказать, ученая степень, даваемая всѣмъ прошедшимъ курсъ церковнаго пѣнія (зима).

Курсъ „дугà“ представляетъ изъ себя огромную книгу, содержащую въ себѣ все то, что нужно пѣть въ церкви въ теченіе круглаго года. Конечно, разнообразіе и новизна положеннаго на каждый день пѣнія заключается, собственно въ словахъ пѣсней, напѣвовъ же всѣхъ немного. Церковное пѣніе (зимà) бываетъ троякаго характера: 1) арарай — печальное, 2) гыйзе — постное и 3) веселое („ызле“). Кроме того, каждый распѣвъ состоитъ изъ нѣсколькихъ мотивовъ, приуроченныхъ къ той или другой части дневнаго богослуженія. Этимъ и исчерпывается вся полнота абиссинскаго пѣвческаго искусства. Время, въ которое ученикъ проходитъ при пособіи мемгыра курсъ дуга, зависитъ отъ способностей учащагося и обнимаетъ собой отъ 3 до 8 лѣтъ. Трудность же работы состоитъ въ томъ, что заучиваются не одни мотивы, которыхъ не особенно много, а въ ряду и всѣ пѣсни, все богослуженіе круглаго года. Это необходимо потому, что за недостаткомъ книгъ пѣвчіе поютъ въ церкви наизусть. Мемгырь, обучающій пѣнію, живетъ всегда при соборѣ или монастырѣ и въ свободное отъ занятій время участвуетъ съ учениками въ пѣніи богослуженія. Мемгыромъ, обучающимъ „дуга“, часто бываетъ самъ алакà (настоятель собора). Алакà, управляющій соборомъ не имѣетъ однако священнаго сана, а всегда совмѣщаетъ въ себѣ съ званіемъ начальника соборнаго и почетное зва-

ніе начальника хора. Онъ первое лицо въ ученой корпораціи хора. За нимъ слѣдуетъ еще цѣлыхъ двѣнадцать низшихъ чиновъ хора: „маріетта“ (его помощникъ), „граета“ (господинъ правый), „каета“ (господинъ лѣвый) и т. д. Такъ какъ во время богослуженія поются импровизированные стихи (к'не), то отъ алака и его помощника (маріетты) требуется, кромѣ знанія дуга еще умѣнье сочинять стихи, иначе говоря, для этихъ должностей требуются лица, имѣющія двѣ ученые степени: „бала дуга“ и „бала к'не“.

Школы к'не и дуга пользуются въ Абиссиніи большою популярностію и являются особенно приспособленными къ духовнымъ потребностямъ страны. Вышедшіе изъ этихъ школъ расходятся по всей странѣ и наполняютъ собою хоры городскихъ и большихъ сельскихъ церквей, соборовъ и монастырей.

Не такой популярностью пользуются другого рода школы, въ которыхъ мемгыръ учитъ своихъ слушателей, толкуя имъ Слово Божіе (школа „мацгафъ“) или святоотеческія творенія (школа „ликаонтъ“). Сюда идутъ слушать науку люди, дѣйствительно ищущіе духовнаго свѣта, чуждые всякихъ матеріальныхъ и честолюбивыхъ интересовъ. Но въ одной и той же школѣ мацгафъ проходятъ не всю Библию, а только извѣстную часть ея. Есть школы (напр. въ Гондарѣ), въ которыхъ изучается одинъ Ветхій Завѣтъ или одинъ Новый Завѣтъ. Школы Мацгафъ и Ликаонтъ заслуживаютъ большого вниманія. Учебный матеріалъ и сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія просто подавляютъ своей обширностію и громадностію. При толкованіи, напр., какой-нибудь книги св. Писанія не пропускается ни одинъ стихъ, толкуется почти каждое слово, отдѣльное выраженіе комментируется на всѣ лады, перебираются всѣ возможные смыслы каждаго стиха, указываются и приводятся параллельныя мѣста, примиряются кажущіяся противорѣчія и пр. Приходится удивляться мемгыру, который все это сообщаетъ наизусть, не имѣя подъ руками никакихъ пособій. Не мало стараній и способности требуется и отъ его слушателей-учениковъ. Все сказанное на урокъ мемгыромъ дословно должно быть усвоено ими. Строгость въ этомъ случаѣ доходитъ до того, что не позволено пропустить изъ урока ни одного слова, сдѣлать даже незначительную пе-

рестановку въ словахъ. По окончаніи курса (который проходитъ въ школѣ) ученикъ снова, вторично, потомъ въ третій разъ проходитъ тотъ же курсъ,—словомъ, до тѣхъ поръ, пока все, что находится въ головѣ мемгыра (или находилось въ головахъ цѣлаго поколѣнія мемгыровъ) относительно толкованія Библии, не будетъ безъ всякаго изъяна и безъ пропусковъ уложено въ головѣ ученика. Тогда онъ, если желаетъ, можетъ идти къ другому мемгыру, толкующему и объясняющему другую часть библіи. Обученіе ведется тамъ такимъ же путемъ, и т. д. Въ виду требованій, предъявляемыхъ учащемуся въ мацгафѣ, просто становится непостижимымъ, какъ нѣкоторые ревнители изученія св. Писанія имѣютъ терпѣніе пройти всю Библию вышеуказаннымъ путемъ и еще курсъ школы ликаонтъ. Правда, тратятъ они на это цѣлыя десятки лѣтъ. Въ школѣ-ликаонтъ, кромѣ святоотеческихъ твореній, объясняется еще абиссинская книга закона — „етанагасть“, съ которой намъ приходилось уже встрѣчаться въ судѣ ликаонта. Людямъ, обучавшимся въ мацгафѣ и ликаонтѣ, даютъ названія: бала-мацгафъ и бала-ликаонтъ. Изучившій же толкованіе всей Библии по выдержаніи публичнаго экзамена, на которомъ заставляютъ его протолковать различныя мѣста св. Писанія (которыя случайно откроются), получаетъ ученую степень „лика“. Это наивысшее почетное званіе въ Абиссиніи.

Обучавшіеся въ мацгафѣ или ликаонтѣ обыкновенно люди всѣ благочестиваго настроенія мыслей. Пройдя курсъ науки, или только извѣстную часть его, большинство изъ нихъ отправляется въ пустыню, или въ отдаленный пустынный монастырь и тамъ въ подвижничествѣ и строгой жизни проводить остатки дней своихъ. Нѣкоторые подвергаютъ себя тяжелымъ подвигамъ затворничества. Но лики, бала-мацгафы и бала-ликаонты, радѣя о спасеніи своей души, не забываютъ душъ ближнихъ своихъ. Въ пустыняхъ или въ лѣсахъ Абиссиніи можно встрѣтить простой деревянный небольшихъ размѣровъ срубъ, безъ оконъ и дверей съ маленькимъ, въ кулакъ, отверстіемъ. Обыкновенно его окружаетъ толпа народа, внимающая словамъ и звукамъ, идущимъ изъ отверстія. Это ученый затворникъ собралъ вокругъ себя учениковъ и объясняетъ имъ слово

Божіе или излагаетъ ученіе свв. отцовъ. Благодарные за пищу духовную ученики не забываютъ о матеріальныхъ потребностяхъ своего наставника и съ своей стороны чрезъ отверстіе же снабжаютъ его пищей тѣлесной, подаютъ ему хлѣбъ и воду. Слава о подвигахъ и духовныхъ дарованіяхъ такого ученаго затворника быстро распространяется по странѣ и число жаждущихъ слышать слово „небеснаго человѣка“ (какъ говорятъ въ Абиссиніи) постепенно увеличивается. Вскорѣ около сруба подвижника появляются палатки, пустынный уголокъ дѣлается люднымъ, образуется родъ деревни или монастыря. Это деревня или монастырь-школа, центръ которой—срубъ. Изъ узкаго отверстія его текутъ человѣческіе звуки, питающіе духовной пищей чело-вѣческія души, собравшіяся вокругъ. Съ восходомъ солнца срубъ начинаетъ говорить и говорить съ небольшими перерывами въ продолженіе дня до заката солнца. Всѣ внимаютъ говорящему срубѣ, не видя и не зная, кто въ немъ обитаетъ. Но вотъ ученаго обитателя сруба пожелаетъ призвать на службу себѣ царь или епископъ, или кто-нибудь изъ начальствующихъ лицъ. Тогда наступаетъ конецъ подвигамъ бѣднаго мемгара. Пустынническая аудиторія умолкаетъ, и слушатели возвращаются каждый въ домъ свой.

Менѣе всего распространенная въ Абиссиніи школа—это, такъ называемая, „кыдасси“, т. е. литургическая. Въ ней проходится объемистая книга, содержащая въ себѣ всѣ четырнадцать литургій, которыя служатся въ абиссинскихъ храмахъ. Всѣ литургіи служатся въ Абиссиніи на распѣвъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ установленныхъ интонацій голоса. Изученіе литургійныхъ напѣвовъ и составляетъ курсъ школъ кыдасси. Въ нихъ преимущественно обучаются ищущіе священства. Поэтому школы кыдасси—это, можно сказать, абиссинскія духовныя семинаріи; только, къ сожалѣнію, въ нихъ, кромѣ пѣнія литургій, ничего болѣе не преподается. Изъ всѣхъ литургическихъ школъ въ Абиссиніи славятся тѣ, которыя находятся въ городѣ Сылылкула (въ провинціи Уадля).

Въ Абиссиніи есть еще странствующие учителя, получившіе вслѣдствіе образа жизни своей названіе „назройи“. Это обыкновенно монахи, грамотные, хотя и не окончившіе высшихъ абиссинскихъ школъ, знающіе систему абис-

синскаго изложенія христіанской догматики, т. е., проще говоря, знающіе на память дословно книгу „Ай-мадъ мистиръ“ (столпъ тайнъ). Они путешествуютъ отъ села къ селу, собирая по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вокругъ себя толпы народа и читая имъ наизусть изложеніе христіанскаго ученія съ прибавленіемъ (иногда) собственныхъ краткихъ поясненій и всегда съ приложеніемъ нравственныхъ наставленій. Народъ усердно слушаетъ назроуя, такъ какъ это—единственное средство для простаго неграмотнаго люда къ познанію истинъ своей вѣры. Обыкновенно по окончаніи литургіи народъ остается въ церковной оградѣ,—настоятель (гавасъ), выйдя изъ храма, читаетъ импровизированную молитву, послѣ которой всѣ присутствующіе произносятъ вполголоса „Отче нашъ“,—тогда то выступаетъ назроуй и произноситъ проповѣдь, продолжающуюся иногда около двухъ часовъ, и народъ терпѣливо и внимательно слушаетъ ее. Въ Абиссиніи есть нѣсколько мѣстъ, гдѣ раздастся проповѣдь назроуевъ, — это чисто случайные районы въ нѣсколько селеній, гдѣ подвижутся извѣстные проповѣдники-назроуи. Обыкновенно селенія, оглашаемая проповѣдью назроуевъ, процвѣтаютъ благочестіемъ и добродѣтельной жизнью своихъ обитателей. Послѣдніе отличаются миролюбіемъ, благотворительностію, усердіемъ въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ и пр. добродѣтелями. Замѣчено также, что въ такихъ районахъ всегда меньше сравнительно съ другими тяжёбныхъ дѣлъ, воровства, буйства и пр.

Въ Абиссиніи первымъ въ просвѣтительномъ отношеніи считается городъ Гондаръ. Въ этомъ городѣ есть всѣ роды абиссинскихъ школъ: к'не, дуга, мацгафъ, ликаонтъ и кыдасси. Болѣе же всего Гондаръ славится своею школою мацгафъ. Количественно и достоинствомъ (качествомъ) школъ к'не славится преимущественно царство Годшамъ. Тамъ замѣчательныя школы к'не въ городахъ Гольдьясь, Коронне, Мота-Георгисъ, Девре-оркъ, Дыма, Мертуле-Маріамъ, Уашара (въ уашарской к'не до 600 учащихся). Школами-дуга славится городъ Бетельгемъ (въ провинціи Бегемытръ, недалеко отъ Гондара).

Кромѣ громаднаго количества школъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, уровень богословскаго развитія поддерживается

въ Абиссиніи еще изстари существующими богословскими спорами трехъ партій абиссинскихъ ученыхъ. Эти партіи, или школы носятъ названія, заимствованныя для каждой изъ нихъ отъ имени того царства, въ которомъ школа является преобладающей предъ прочими школами, иначе: есть школы тигрійская, шуеская и годжамская. Споры ведутся по поводу догмата воплощенія. Различія между всѣми тремя школами не касаются существа догмата: всѣ онѣ правильно признаютъ въ Господѣ Иисусѣ Христѣ два естества, соединенныя въ одну Ипостась Бога слова, только не одинаково мудрствуютъ о свойствахъ и совершенствахъ человѣческой природы Христа Спасителя. Школы—тигрійская и шуеская, придерживающіяся аллегоризма въ толкованіи Св. Писанія, согласно между собой утверждаютъ, что человѣчество Христа Спасителя сразу стало совершеннымъ, приобщеннымъ Божескимъ свойствамъ: всевѣдѣнію, всемогуществу и др. При чемъ тигрійская школа частію еще учитъ, что это произошло въ силу одного лишь акта соединенія естествъ во чревѣ Дѣвы Маріи, безъ участія въ этомъ Божеской силы другихъ Лицъ Пр. Троицы, а школа шуеская признаетъ при этомъ особое дѣйствіе Духа Святаго—помазаніе. Отсюда и самые послѣдователи послѣдняго ученія называются помазанниками (кывайточъ), а послѣдователи тигрійской школы называются соединенниками (тогайдочъ), такъ какъ обоженіе человѣческой природы Спасителя они считаютъ слѣдствіемъ лишь акта соединенія двухъ естествъ, а не дѣйствія Духа Святаго. Третья—годшамская школа, придерживающаяся раціоналистическаго направленія и буквального толкованія Св. Писанія, признаетъ свойства человѣческой природы въ Иисусѣ Христѣ ничѣмъ не отличными отъ нашихъ. Всякій эцегалыдочъ (послѣдователь годшамской школы) говоритъ о Спасителѣ: „Онъ былъ такой же человѣкъ, какъ и я“, причемъ разумѣетъ, конечно, свойства Его ума, сердца и воли. Эцегалыдѣчъ признаютъ Его только чуждымъ грѣха, хотя не отрицаютъ въ немъ возможности грѣха, такъ какъ, по ихъ ученію, Спаситель, хотя и не имѣлъ на себѣ прародительской скверны, но не чуждъ былъ послѣдствія ея—грѣховной предрасположенности. Только постепенно Его духовная человѣческая природа освобождалась отъ этого послѣдствія

и достигала совершенства по мѣрѣ роста Его тѣла, пока, наконецъ въ крещеніи она не была усыновлена Богу Отцу, стала, какъ выражаются египтяне, „Богомъ по благодати“. По ихъ ученію, крещеніе Христа Спасителя было Его третьимъ рожденіемъ, рожденіемъ отъ Св. Троицы, поэтому они называются еще трехрождественниками (последочъ“).

Всѣ три школы абиссинскихъ богослововъ стараются основать свое ученіе на Св. Писаніи и сочиненіяхъ Св. Отцовъ, при чемъ каждая тексты, приводимые противниками, силится истолковать въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Кываточъ обыкновенно указываютъ въ свою пользу преимущественно на слѣдующія мѣста Св. Писанія: Пс. 61, 1; пс. 44, 8; Лук. 4, 18. Египтяне приводятъ обыкновенно: Лук. 4, 1; Евр. 5, 7; I Кор. 15, 28; Мар. 13, 32—вообще всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ говорится объ ограниченности человѣческой природы Христа Спасителя. Тогайдочъ чаще всего ссылаются на св. Отцевъ—Кирилла Иерусалимскаго, Іоанна Златоустаго и др. Наиболѣе сильной оказывается партія египтяне, такъ какъ въ толкованіи слова Божія она придерживается прямого смысла текстовъ, хотя не чужда крайностей въ этомъ отношеніи. Но школы тогайдочъ и кываточъ съ большимъ трудомъ и не безъ натянутости толкуютъ приводимые противниками въ свое оправданіе тексты. Такъ напримѣръ, самымъ общимъ и распространеннымъ у нихъ возраженіемъ на мѣста въ Библии, говорящія объ ограниченности человѣческой природы Христа служитъ слѣдующее: такъ, говорятъ они, сказано въ этихъ мѣстахъ Библии для оправданія того, что Иисусъ Христосъ былъ дѣйствительнымъ, а не призрачнымъ человекомъ. Или выраженіе евангелиста Луки о Христѣ Спасителѣ, что Онъ росъ и укрѣплялся духомъ, тогайдочъ и кываточъ толкуютъ въ ограниченномъ смыслѣ: утверждаютъ, что здѣсь евангелистъ говоритъ о тѣлесномъ развитіи, а слово—„духомъ“ слѣдуетъ понимать „воздухомъ“. Известное мѣсто въ евангеліи Марка: „О дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть, ни Ангели, иже суть на небесѣхъ, ни Сынъ, токмо Отецъ“ (13, 32) кываточъ и тогайдочъ для цѣли своей читаютъ такъ: „о дни томъ и часѣ..... ни Сынь—одинъ безъ (уаль-кромѣ) Отца“.

Споры между всѣми тремя партіями (школами) существовали дѣлые вѣка. Но лѣтъ пятнадцать тому назадъ покойный негусъ Іоаннъ, по просьбѣ абиссинскаго епископа Аванасія, созвалъ въ городѣ Аксумѣ соборъ, чтобы прекратить навсегда споры. Самъ негусъ, какъ житель и уроженецъ Тигри, былъ приверженцемъ ученія тогайдочъ. На соборъ прибыли всѣ лики, дека-мезмуры — ученые представители всѣхъ трехъ партій. Сверхъ того, стотысячная толпа народа окружала поляну, на которой расположился соборъ. Споры длились не мало времени. Сначала споръ велся между представителями тогайдочъ и послѣдователями ецегалыдечъ, въ которомъ принимали участіе по три человѣка съ каждой стороны. Спорили, стоя подлѣ царскаго сѣдалища, между тѣмъ, какъ всѣ остальные ученые сидѣли поодаль на травѣ. Партія ецегалыдечъ стала одерживать верхъ. Ецегалыдечъ засыпали противниковъ цитатами изъ Св. Писанія и свв. Отцовъ Церкви. Даже самъ негусъ пришелъ въ смущеніе. Вдругъ изъ сидящихъ и неучаствующихъ въ спорѣ ученыхъ выступаетъ одинъ діаконъ и начинаетъ говорить. Краснорѣчіе его сразу же расположило въ его пользу слушателей и смутило его противниковъ ецегалыдечъ. Затѣмъ помощью искусныхъ діалектическихъ пріемовъ онъ такъ поставилъ дѣло спора, что его противники оказались сами себѣ противорѣчащими. Іоаннъ торжествовалъ. Въ это время, въ пылу жаркаго спора, одинъ ликъ изъ ецегалыдечъ дерзко, съ какимъ-то остервененіемъ закричалъ, обращаясь прямо къ негусу: „Иисусъ Христосъ такой же человѣкъ, какъ и я“! Негусъ пришелъ въ негодование и приказалъ отрѣзать лику языкъ. Этимъ окончился соборъ. Результатомъ его былъ указъ негуса Іоанна, въ которомъ всѣмъ повелѣвалось исповѣдовать ученіе тогайдо. Во всѣхъ нагаритахъ Абиссиніи ликанагайнаты принимали клятву отъ находящихся въ ихъ округахъ ученыхъ въ томъ, что послѣдніе до самой смерти своей будутъ исповѣдывать тогайдо. Упорные изъ киваточъ и ецегалыдечъ ушли въ лѣса и пустыни, а нѣкоторые совсѣмъ оставили отечество, опасаясь гоненій. Но по смерти Іоанна, когда опасеніе за разномысліе исчезло, они возвратились въ города и села, въ которыхъ жили прежде. Преемникъ негуса Іоанна, нынѣ царствующій негусъ негастъ

Менелекъ II-ой въ указѣ, изданномъ имъ вскорѣ по воцареніи, предоставилъ всеѣмъ полную свободу въропониманія. Въ указѣ этомъ говорилось: „я исповѣдую то ученіе, какое и мой отецъ (такъ называлъ онъ своего предшественника Іоанна), но мои подданные могутъ исповѣдывать ученіе, какое пожелаютъ“. Такимъ образомъ преслѣдованія за религіозное разномысліе прекратились, и споры о догматѣ воплощенія возобновились съ прежней энергіей и силой.

Каждая изъ трехъ школъ имѣетъ свой символъ, который служитъ формальнымъ отличіемъ послѣдователей одной школы отъ послѣдователей остальныхъ двухъ. Символы эти слѣдующіе.

I. Символъ тогайдочъ: „Сынъ Отца и Сынъ Маріи въ соединеніи прославися, Сынъ—Муро (ольде-кевъ), Собою помазывающій и Себя Собою помазавашій (противъ кываточъ)“.

II. Символъ кываточъ: „Сынъ Отца и Сынъ Маріи въ соединеніи помазанъ Духомъ Святымъ и тѣмъ прославися“.

III. Символъ ецегалыдечъ: „Сынъ Отца и Сынъ Маріи въ соединеніи въ третьемъ рожденіи (въ крещеніи) сталъ Богомъ по благодати“.

Е. Долганевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
